

ОЛЬГА ДАШКОВА

СОКОЛ для ЯГОДКИ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ольга Викторовна Дашкова

Сокол для Ягодки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69239431

SelfPub; 2023

Аннотация

Заядлый холостяк Павел Соколов жил легко и пропадал на работе. Предпочитал свободные отношения – серьезным и модельных девушек – толстушкам. Но... все изменилось внезапно, после вишневой наливки, зеленых глаз рыжей Светочки и ее сладких губ. Павлик дал маху и как пацан скрылся в закат. Сбежал от своих эмоций и пышных форм девушки. Но судьба расставит все по своим местам, а Светочка не простит просто так. Так что впереди у Павлика жаркая весна, деревенские интриги, ревность, испанские страсти и борьба за любимую.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	40
Глава 7	48
Глава 8	56
Глава 9	63
Глава 10	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Ольга Дашкова

Сокол для Ягодки

Глава 1

– Света! Свет! Светка, ты где?

Женщина в высоких резиновых сапогах бодро шлепала по грязи, остановилась, сняла платок, вытерла пот со лба, заглянула в открытое окно.

– Света, там такое дело, у Парамоновых козу третий день рвет! Ты где?

Даже сквозь музыку в наушниках было слышно этот крик. Света выругалась про себя, сунула ложку вареной гречки в рот, запила кефиром.

Было все отвратительно невкусно, несолено и несладко, но Света добросовестно жевала, прикрыв глаза, пытаясь расслабиться в свой положенный по трудовому законодательству обеденный перерыв. Ей казалось, что на гречку ее организм уже выработал защитную реакцию отторжения, и ее начинало тошнить.

Но Светочка худела.

Количество попыток перевалило за двадцать, но вес все стоял на месте, либо снижался, но потом все равно прибавлялся, и весы показывали девяносто килограммов, это было

до слез обидно.

Светлана Калинкина в возрасте двадцати пяти лет имела очень яркую внешность. То, чем она гордилась, было выше пояса, точнее, это была голова с пышной копной темно-рыжих выющихся волос, зеленые глаза и красивая улыбка.

На этом все.

Всего остального было слишком много. Рост почти метр восемьдесят и пятьдесят четвертый размер одежды. Нет, при таком росте она не выглядела пухлым гномом, и ей нравилась грудь, но хотелось бы добраться до пятидесятого размера. Так сказать, стать совсем красивой везде.

На дворе весна, хочется легкости, воздушности, но гречка вот уже неделю стояла поперек горла, а доярки постоянно угощали пирогами.

– Света!

– Господи, да чего ей надо? – Калинкина пробубнила, включила музыку, убрала наушники.

Девушка посмотрела вниз, с высоты козырька административного здания фермы, точнее, отдельной его постройки, было хорошо видно, как Варвара месила майскую грязь, обмахивалась платком, не давая Светлане поест и позагорать.

– Варвара!

– О, господи, ты чего там делаешь?

– Варвара, что за паника?

Молодая женщина прикрылась ладонью от солнца, ото-

шла на два шага назад, как раз в огромную лужу. Весна в их краях выдалась ранней, в марте все начало таять со страшной силой, в апреле зарядили дожди, поднялась вода в речке, размыло все дороги, даже подтопило часть Косогор.

В начале мая вылезло адское солнце, оно жарило так, что впору было доставать купальники, но все ходили в сапогах и месили грязь, было не до загара.

– Так это, у Парамоновых козу рвет.

– Рвет на части?

– Тошнит.

– Давно?

– Третий день, говорят.

– Она гречку не ела?

– Гречку? Зачем гречку?

Варвара не поняла вопроса, вновь повязала платок на голову, посмотрела на деревенского ветеринара, что сейчас в очень откровенном декольте загорала на крыше. Странная она была, молодая, яркая, а приперлась в Косогоры работать.

– А чем они ее кормили?

– Я не знаю.

– А зачем ты тогда пришла?

– Так тошнит ее.

Это было логично.

Света устроилась удобнее, снова взяла в рот ложку гречки, прожевала, задержав дыхание, ее саму сейчас стошнит, как парамоновскую козу. Девушка надела футболку, собра-

ла волосы, спустилась по лестнице на землю, посмотрела на Варвару.

– Почему они сами ее не привели, я что, должна за каждым козлом в деревне бегать, или он с температурой лежит?

– Там коза.

– Не суть.

– Так старенькие они, а козу жалко.

– Я сейчас, сумку возьму, и пойдем спасать козу.

Убрав телефон в задний карман джинсов, Света пошла в здание, что хорошо было в деревне, так это то, что не нужно было выпендриваться, втягивать живот, скрывать все свои складочки, от которых деваться было некуда. Можно было свободно ходить в чем угодно, в Косогорах всем наплевать на твой стиль, главное, чтоб было удобно и немарко.

– А ты слышала, Семен Николаевич приехал опять с женой? Баба Зоя пироги пекла вчера весь день.

Света ударилась локтем о шкаф, выругалась уже матом, потому что господин Терехов, его жена и баба Зоя у нее стойко ассоциировались с другим человеком. Точнее, это были воспоминания о двух ночах, одном дне и голубоглазом мужчине, который практически разбил ее сердце.

Тогда с ним было хорошо, очень хорошо, Света даже забыла про свои былые страхи. Или это все наливка на вишне так дала в голову? Или его улыбка, сильные руки и наглые губы?

– Козел!

– Ты что-то сказала?

– Нет, я не слышала, что Терехов приехал, я тут как на отшибе, – Света вышла на улицу, до Парамоновых было неблизко, да и коза там, поди, сожрала какую-нибудь запрещенку, вот ее и воротит.

– Света! Светочка! Я к тебе!

– О, господи.

Молодые женщины посмотрели в сторону дороги, как раз у открытой калитки остановился трактор.

– Он такой забавный, и чего тебе не нравится Феденька? Работящий, ну, выпивает иногда, а кто здесь этого не делает? Высокий, статный, холостой, что немаловажно.

– У него роман с Жанной.

– Да врут, нет там никакого романа.

– Так забери его себе, не теряйся. Для Машки отчим будет.

– Хорош отчим, что на десять лет старше падчерицы, мне одного ребенка хватает. Мне нужен мужик, чтобы сильный, как наш животновод.

– Он женат.

– Вот это минус.

Федор заглушил трактор, лихо спрыгнул с кабины, в руках появился букет нарциссов, а на лице – ослепительная улыбка с кривым передним зубом.

Светлана кстати не раз прикладывалась к его лицу ладошкой за то, что позволял себе лапать и щипать ее за пятую

точку. Но у тракториста железный купол и стальная нервная система, а еще была дерзость и наглость.

Молодой мужчина свободной походкой в высоких резиновых сапогах с заправленными в них засаленными джинсами, в майке-алкоголичке и расстегнутой рубашке подошел ближе.

– Миледи, доброго дня. Позвольте преподнести этот букет самой яркой девушке, но даже он вянет при ее красоте.

– Как красиво, – Варвара вздохнула, а Света готова была есть гречку снова, но только чтоб не видеть этого Д'Артаньяна. За тот год, что она живет в Косогорах, своими подкатами он достал ее до ребер.

– Спасибо, Федор, – девушка приняла букет с двумя поломанными цветками, для прикорма парамоновской козы сойдет.

– Может, покатаемся?

Предложение было «заманчивое» – с шумом, ветерком, по грязи, и Светлана уже готова была послать Федю культурно, как это делала много раз, но вмешались Варвара.

– Нам к Парамоновым, молодец, что приехал, Федь, давай пошли, а то коза того и гляди сдохнет.

– Какая коза?

– Шевелись, заводи мотор, мы идем.

Парень моргнул, сдвинул кепку, почесал кучерявый затылок, Света кивнула. И правда, чего идти пешком, можно воспользоваться транспортом.

– И чего ты нос воротишь, нормальный парень, влюблен в тебя по уши. Ты, это, Свет, планочку-то надо снизить по запросам на мужиков. У нас из нормальных Федька, ну, так себе, но зато, если попадет в хорошие руки, из него можно конфетку сделать. Да еще нормальный дед Никифор, у него бабка лет десять, как померла, и животновод, но у того семья и четверо детей.

Да, выбор был скудным. Но Варвара вздохнула, вцепившись в локоть девушки, продолжала давать наставления, забыв, зачем явилась.

– Или ты в город хочешь вернуться? Мало там хлебнула от городских мажоров?

В город Калининка не хотела, хватило ей, права Варвара, хлебнула сполна, что кое-как себя собрала, а ведь всего двадцать пять, но такое чувство, что она уже, как дед Никифор, пожила и повидала.

Она сюда и приехала за тем, чтоб все забыть, излечить себя, погрузиться в работу, а вот зимой расслабилась. Подпустила к себе городского, да так все странно вышло, быстро, спонтанно. Махнула рукой, намахнула наливки, мол, будь что будет, чтоб почувствовать себя женщиной.

И ведь получилось, да так, что плакать хотелось от его прикосновений, ласк, поцелуев, слов. Нет, он ничего не обещал, просто смотрел, трогал, шептал, а Света таяла, как зимний снег ранней бурной весной.

– Свет?

– Я поняла тебя, я подумаю.

– Вот и чудно, вы езжайте, а мне пора, я же совсем забыла, стирка у меня там, белье киснет.

Это была подстава, но делать было уже нечего, трактор затарахтел и понесся по Косоровскому бездорожью.

Федор рассказывал пошлые анекдоты, стараясь перекрыть мотор, сам же над ними смеялся, а когда их неожиданно подрезал черный, заляпанный грязью внедорожник, сердце у Калинкиной дрогнуло.

Глава 2

Несколько месяцев назад

– Нет, нет, я больше не буду, мне завтра на ферму.

– Ничего, от моих настоек голова болеть не будет, да, Серафима? Скажи.

– Точно не будет.

Милую блондинку звали красивым именем Серафима, она улыбалась, а Семен Николаевич смотрел на нее до того влюбленными глазами, что Света даже позавидовала.

Она, вообще-то, бежала спасать гуся, но баба Зоя та еще хитрая старушка, и как Света не заподозрила подвох? С гусем, конечно, было все нормально, стол ломился от еды и закусок, в хрустальном бокале краснела наливка, а Калинкина смущалась от пристального взгляда еще одного мужчины.

Ее так ловко усадили за стол, налили алкоголя, сказали выпить на брудершафт за знакомство. А этот наглый блондин с голубыми глазами сам сплел их руки, Света выпила, наливка обожгла горло, а потом поцелуй обжег губы.

Было странно и так... так... Нет, Света не могла описать как.

Словно ее окунули в ледяную прорубь, но там было жарко.

А потом ее долго не отпускали, Терехов рассказывал интересные истории, баба Зоя давала деревенскую оценку и приводила в пример местных жителей с их проблемами. Сера-

фима смеялась, а Павел, так звали того наглеца, все подливал ей алкоголя и не сводил глаз.

Но Светочка пить умела, и не то чтоб она это делала регулярно, но раньше, в период учебы и жизни в общежитии, они часто собирались компаниями, пили вино, а иногда что и крепче. Но Калинкина никогда не пьянела после трех-пяти рюмок, как это делали ее подружки. Так что, споить девушку было трудной задачей.

– А это у нас вроде бы не вишня, а клюква, давай, Светочка, ты должна попробовать.

– Вы позвали меня зачем? Чтоб пробовать?

– И это тоже.

– Хорошо, последняя...

– Говорят «крайняя».

– Крайняя, и я пошла, поздно уже, а я даже телевизор не выключила, убежала, и баня давно протопилась.

– Баня – это хорошо, это прекрасно, да, Серафима?

Терехов посмотрел на жену, подмигнул, Сима засмушалась, а Светочка вновь поймала себя на мысли о зависти. А она ведь старше нее, да и тоже далеко не худышка – и вот же, нашла свое счастье.

Неужели так бывает на самом деле?

Так бывало, но Светочка пока этому не верила.

После чего-то там на клюкве разговор пошел оживленнее, Павел сам не понял, как у него развязывается язык, как становится свободней. Но это даже не от выпитого спиртного, а

от того, что эта необыкновенная девушка рядом.

Он реально не мог отвести взгляда от ее губ и глаз, от копны рыжих выющихся волос и хотел обязательно поцеловать еще. Но больше всего его манило то, что скрывалось под этой облегающей футболкой. А там что-то очень, очень выдающееся, да еще и без белья, потому что были видны острые сосочки.

Павел Соколов к своим тридцати двум годам достиг немало. Хорошая работа, которая, что немаловажно, ему нравилась, а та суета, что создавал начальник, даже затягивала. Взять хоть поджог на комбинате, потом криминальная история с его бывшей женой и заместителем.

Но то, что он делал, приносило молодому мужчине не только хороший доход, но и удовольствие. Он не знал, что будет дальше после женитьбы Терехова, тот, скорее всего, переедет в город. Но Павел надеялся, что Семен Николаевич выйдет на работу, возьмет все в свои железные кулаки и даст ему немного вздохнуть спокойно.

А то Соколов битый час уже смотрит взглядом голодного до женского тела волка, который готов уже содрать зубами эту милую футболку с пышной груди и зарыться в нее головой.

Фантазия была странная. Если учесть, что он впервые видит эту девушку, а она его. Вот с ее стороны может возникнуть протест, и она будет права, но Павел решил действовать нахрапом.

От того, как Светочка облизывала губки, как брала в рот кусочек мяса, как смеялась над его шутками, и при этом вновь колыхалась ее прекрасная грудь, у Павла срывало планку.

Сколько у него не было женщины?

Месяц или два?

С Тереховскими заботами о них и времени не было подумывать. А ведь он любит женщин, но тот секс, что был у него последний раз – нет, правильно говорить «крайний раз». Который он пытался вспомнить, был вроде с их бухгалтером Лидой. Да, точно, еще перед Новым годом, до пожара.

А потом было не до плотских утех. Но вот когда зашла эта девушка, впуская в дом клубы морозного воздуха, а сама такая румяная, аппетитная...

Нет, может, это реально наливка такая, что Соколова так ведет на Светочке?

– Мне пора, спасибо за ужин, было приятно познакомиться. Вы очень красивая пара и я желаю вам огромного счастья.

Света слишком резко встала, уронив табурет, повернулась, чтоб поднять его, нагнулась, а только потом поняла, что сделала. На ней были только теплые леггинсы, обтягивающие все «шикарные прелести» пятьдесят четвертого размера.

Кто-то за столом кашлянул, Света резко поднялась, стараясь натянуть футболку ниже, покраснела как вареный рак, кинулась к двери, стала обуваться.

– Я провожу.

– Не надо, я сама, – ответила слишком резко, испуганно посмотрела на мужчину, схватила крутку, выскочила в сени, потом на крыльцо.

– Павлик, отомри и стартуй, – Терехов отдал команду своему помощнику.

А вот Павел реально подвис, нет, он не нуждался в указаниях, он сам хотел ее проводить, познакомиться, поговорить. Уж что-что, а знакомиться с дамами он умел.

– Да, Пашенька, поторопись, она быстро бегают, шустрая девчонка, – это уже баба Зоя вставила свой совет. – Помню, как-то осенью в город собралась, а на автобус опоздала, так Светочка так неслась через кладбище, я думала, мертвые встанут посмотреть.

Соколов надел первое, что было, это оказались чьи-то валенки, накинул тулуп начальника и, схватив оставленную гостьей сумку, побежал следом.

Девушка и правда ушла далеко.

– Света! Света, постойте, вы забыли.

Снег громко хрустел под ногами, была такая ясная и морозная ночь, которая бывает лишь в последний день зимы. А завтра уже хоть и календарная, но весна, и все обязательно будет хорошо.

Света плакала и не хотела, чтоб кто-то видел ее слезы. А все из-за того, что она предстала перед людьми не в лучшем свете. И надо было развернуться и показать свой огромный

зад? Ну что за дура!

– Света!

Услышала голос, остановилась, вытерла слезы, обернулась. Мужчина шел быстрым шагом, в руках ее сумка, вот, она еще и ее забыла, растяпа.

– Не стоило, спасибо, дальше я сама.

– А я хочу проводить. Можно?

– А если скажу, что нельзя?

– Все равно провожу.

Мужчина подошел слишком близко, от него пахло шерстью, чуть уловимым, терпким парфюмом. Светлане пришлось поднять голову, чтоб посмотреть на него. Красивый, да, отросшая щетина, волосы, словно он не стригся несколько месяцев, без шапки, в тулупе нараспашку.

– Ты плакала?

Легкое прикосновение пальцев к лицу.

– А мы уже на «ты»?

– Да, мы же пили на брудершафт.

– А ты наглый.

– Да.

– Не люблю наглых.

– А придется.

О чем это он говорит?

Соколов сам не мог понять, что несет, но отпустить сейчас эту румяную ягодку, не почувствовав ее сладости вновь, он был не намерен. И пусть схлопочет по лицу, Павлик был

готов.

Света успела лишь вскрикнуть, Павел бросил сумку на снег, схватив девушку за ворот куртки, потянул на себя и впился в ее полные мягкие сочные губы своими.

Вот же черт... какая...

Это первая мысль, что вспыхнула у мужчины в голове, а еще была, что он точно не отпустит ее этой ночью. Один поцелуй вызвал животный голод, член моментально встал, больно уперся в ширинку джинсов.

Девушка сладко простонала, это был ее первый поцелуй с мужчиной за два года. Господи, целых два года она словно сторонилась их, хоронила себя в этой глуши, но, вот один поцелуй и она начала таять от жарких губ, как Снегурочка на солнце.

Глава 3

– Что... что ты де-е-е-ла-а-а-а-ешь... Паша-а-а-а...

Светочка, вцепившись в плечи мужчины и прислонившись к стене, протяжно стонала. В то время как пальцы этого наглого городского красавчика ласкали ее между ног. Так ловко-ловко, так умело, что у Калинкиной перехватило дыхание и в глазах помутнело.

И как так вышло, что дошло до всего этого?

Девушка не понимала.

Но все еще можно было списать на полнолуние, ясную морозную ночь, жадные поцелуи и магический алкоголь Терехова. Но... Светочка в такие чудеса не верила.

Паша долго целовал, засасывая губы, проникая языком в рот, лаская. Это было так... так сладко и невероятно, а Светлана отвечала, сама углубляла поцелуй, царапала кожу щетиной и при этом возбуждалась так, что впору было выжимать трусы.

Как дошли до ее дома, помнит смутно.

Раз десять еще Соколов бросал на снежную дорогу сумку, вновь целовал, не в силах оторваться от этой клюквенно-вишневой девчонки.

А она пьянила похлеще Тереховской самогонки. Член Соколова уже стал каменным, можно было идти рубить прорубь, чтоб окунуться в ледяной холод от этого сладкого мо-

рока. А еще в тулупе и валенках было ужасно жарко, Павлу казалось, что он него идет пар, как от паровоза, мчащегося по Сибирской тайге.

Потом молодые люди снова шли, забывали сумку, возвращались и опять целовались. Когда наконец подошли к металлической резной калитке, Света долго искала ключи, мысли путались, руки тряслись.

Возбуждение накрыло и не отпускало, тело просило большего, а вот мозг, тот собрал остатки разума в котомку и ушел, как тот ежик в туман.

И это было совсем не похоже на Светлану Калинкину. Она никуда бы не отпустила ежика одного.

– Дай помогу.

– Да, вот этот ключ.

Павлик помог, сам взял за руку, повел девушку на крыльцо, сам открыл входную дверь, а когда зашел в дом, его сшиб аромат ягод.

Она что, ведьма какая-то ягодная?

Вот чем от нее так вкусно пахло, и дело не в настойках и наливках. Прижал Светочку к стене, уже освободил руки от сумки, скинул на пол тулуп. Начал снимать с девушки куртку, продолжая все также терзать ее губы, задрал наконец футболку.

А когда мужские ладони легли на большую упругую грудь, Света вздрогнула, чуть не застонав в голос, а Соколов выругался отборным матом. Хотя, до этого момента особо не вы-

ражался.

– Да чтоб меня... бля...чтоб меня...сука... какие охуительные у тебя девочки.

Он мял их, сдавливал, не давая Светлане сказать ни слова, ущипнул за соски, которые стали твердыми. А потом целовал, не останавливаясь, чувствуя, как член сочится предсеменем, как еще немного – и он сольет в белье.

– Паша... подожди... постой... а-а-а-а... боже мой...

Светочка таяла и текла как порочная Снегурочка.

Она не могла остановить этот напор или просто делала все так неубедительно, что мужчина не принимал ее слова всерьез. Да и как он мог их принять, если она после каждого слова стонала, охала и сама прижималась к нему?

Вот с трактористом Федором выходило в этом плане все четко. Он – слово или подкат, Светочка – затрещину или оплеуху. Дальше таких прелюдий дело у них не заходило.

А тут она видит этого мужчину первый раз в жизни.

Первый!

И позволяет такие шалости и откровенности. Может, она совсем сошла с ума от голода за два года по мужику, что вот, стоило появиться такому «первому», как Светочка готова моментально раздвинуть ноги?

А вот когда как раз между ее ног оказалась рука Павла, а пальцы коснулись обнаженной плоти, Свету пробило током.

Лишь на секунду стало неловко, что там она совсем не в сексуальном виде, что не брилась уже много месяцев, была,

так сказать, в том самом месте естественно красива. Ибо ради кого этого делать, не понимала.

Но кто же знал, что все случится именно сегодня, и ей вот так сорвет все тормоза, и она притащит мужика домой, как найденного котенка?

– Что... что ты дела-а-а-ешь... Паша-а-а-а...

А Соколов, сцепив зубы, почувствовав пальцами влагу, начал дуреть. Она была там такая нежная, горячая, скользкая, больше всего его возбуждало именно это. А еще он чувствовал под пальцами мягкие волоски, понимая, что ее киска небритая. И это так по-первобытному возбуждало его, как пещерного человека.

Света начала глотать ртом воздух, пальцы мужчины так откровенно прошли по промежности, она инстинктивно осела, давая больше доступа к себе. Павел начал массировать круговыми движениям набухший клитор, вдыхая ягодный аромат.

Девушка была такая откровенная в своем желании, такая открытая, не зажата, она стонала севшим голосом, часто дышала, а ему хотелось большего. Снять с нее все эти тряпки, разложить прямо на полу, увидеть обнаженную.

– Паша... я... я... не могу... не могу больше... господи... да-а-а-а-а-а...

Эта пытка была невыносима, за два года Светы впервые касался мужчина. Нет, она не давала никому обет верности и не отрекалась от плотских утех. Был даже маленький vibra-

тор, который выручал ее во времена, когда было уже совсем неумоготу. Потому что молодой тело требовало своего, и она была не железная.

Но то, что происходило сейчас у нее в доме, в темной прихожей, под звуки включенного телевизора, с незнакомым мужчиной – это было невероятно. И куда делся ее стыд и комплекс по поводу лишнего веса и слишком больших объемов? Света не понимала.

Она кончала, терлась клитором, вела бедрами, кричала, давая еще больше влаги, и казалось, что этому острому и дикому оргазму не будет конца.

– Вот же сука, какая же ты, девочка, голодная, и я пиздец какой голодный.

Все было как в тумане, Света смотрела, как Павел облизывает свои пальцы, потом дал сделать это ей. По рецепторам ударил вкус собственного удовольствия.

Соколов начал раздеваться, снял джемпер, бросил в сторону, продолжая смотреть на обнаженную грудь девушки, ее румяное лицо и приоткрытые, припухшие от его поцелуев губы. Он так и видел, как проведет по ним головкой члена, а потом она возьмет его «друга» в свой сладкий ротик – сладкий, как и сама Светочка.

Девушка наблюдала за раздеванием гостя, вот он спустил джинсы вместе с бельем, в его руке оказался внушительных размеров член. Павел провел по своему каменному стволу несколько раз, открывая от крайней плоти головку, сжимая

ее, выдавливая влагу предсемени.

Девушка смотрела на это действие, как под гипнозом, мышцы влагалища сжались в предвкушении, что этот здоровый агрегат окажется внутри. Облизала губы, было невыносимо жарко, но раздеваться она стеснялась, если только в полной темноте.

– Иди ко мне.

Калинкина поняла, что совсем не управляет своим телом, после оргазма ноги подкашивались, во рту было сухо, она снова облизала губы, а Павел простонал.

Но вот уже с девушки снимают футболку, мужчина зарывается в грудь, как и хотел, лицом, кусая и облизывая соски. А Света, осмелев окончательно, начинает зарываться пальцами в отросшие волосы Павла, скользит по его плечам, царапая ноготками.

– Почему у тебя такие сладкие сосочки?

– Я... я не знаю... м-м-м-м-м...

Павел с силой засосал один, не контролируя себя, а потом второй, сжав две груди вместе. Соколов не помнил, чтобы ему нравились такие размеры, он всегда считал, что женская грудь должна помещаться в мужской ладони.

Каким же он был глупцом. Или это все Светочка? Она одна виновница в смене его ориентиров и кем-то навязанных вкусов?

А потом, когда девушка сама опустилась на колени, когда робко взяла его член в руку. Соколов думал, что сейчас

скончается прямо на месте, прямо так – в спущенных джинсах и в валенках. В неизвестной деревне Косогоры от минета ягодной рыжей Светочки.

Он был таким... таким огромным, ровным с гладкой кожей, девушка прошла по члену пальцами, сглотнула скопившуюся слюну. Коснулась головки языком, чувствуя, какой он на вкус.

– Да, малышка.... да... возьми его... черт, не могу больше, если ты продолжишь так смотреть на него, я солью прямо сейчас.

Света взяла.

Да так, что сама вошла во вкус. Ее словно подгоняли те самые черти, о которых говорил Павел, но это было именно чертовски на грани такого яркого порно, которого у Светочки не было никогда.

Глава 4

Май

Девушка стояла на коленях и внимательно рассматривала вымя козы. Наклонилась ниже, потрогала его пальцами, ощупала брюшную полость. Коза лениво жевала букет нарциссов и никак не реагировала на происходящее.

– Вы чем ее кормите?

– Так чем положено, как все, сеном, когда овощами. Розочка очень любит березовые веники.

– Кто?

– Розочка. Коза.

Калинкина посмотрела на старушку, больной и немощной она не казалась, а значит, Вера все преувеличивала, могли сама с Розочкой дойти до фермы. На улице вовсю палило солнце, а вот Парамонова была в меховой жилетке и войлочных ботинках. Розочка дожевала букет, проблеяла, как бы говоря о том, что аудиенция закончена, и ей пора пойти, найти и пожевать что еще.

– И часто она у вас так просто по двору гуляет?

– Так всегда, косточки размять скотинке надо.

– Косточки размять – это хорошо.

Калинкина встала, наклонилась, чтоб поднять сумку, Федор, все это время молчавший, вздохнул, почесал затылок, не отрывая голодного взгляда от пышного зада Светочки.

– Так что с ней? А то родимую три дня рвало, я уже испугалась, говорю деду, все, помрет скоро наша кормилица. А она и молочко, и творожок дает, и шерсть, ой, какие теплые носочки получаются для внуков.

– Не помрет.

Девушка прошла по двору, кое-где в пропитанной влагой земле стояли лужи, и так было на каждом участке. А вот следы животного было видно хорошо. Когда Светлана завернула за сарай, чавкая по грязи, все последовали за ней, даже любопытная Розочка.

– Что это? – Света указала на порванный мешок с размытой надписью.

– Так это – удобрение. И как оно тут оказалось?

– Вы, Вера Никифоровна, следите за животным хорошо, чтоб если оно и ходит по двору, так не ело всякую дрянь. А то не будет у вас ни молочка, ни носочков тепленьких для внучат.

Все, преступление было раскрыто. Можно было закрыть дело и со спокойной душой, что с Розочкой все хорошо, ехать опять на работу. Странно, что скотина так легко отделалась, наверное, много не успела сожрать, лишь мешок бумажный.

– Все, мне пора, до свидания, Вера Никифоровна.

– До свидания, Светочка, ой, до чего вы красивая пара, налюбоваться не могу.

Света кашлянула, Федор заулыбался, выпячивая грудь ко-

лесом, вышагивая вперед и открывая девушке калитку.

Калинкина не стала комментировать, а вот когда полезла на трактор, Федор не упустил момента погладить ее по задку. А Света не удержалась и, делая вид, что у нее соскользнула нога, лягнула ухажера сапогом в грудь.

– Ой, Федя, извини, я нечаянно.

– Вот же... да ладно, ладно.

– Замазала? Извини!

Девушка села, вздохнула, хотелось побыть одной – без всех этих трактористов, коз и спящего солнца. Она все еще думала о том, что сказала Варвара, о приезде Терехова и как последняя дура, надеялась на приезд совсем другого человека.

В том внедорожнике, что вывернул на дорогу, был не Павел, кто-то другой. Но сердце Светочки ухнуло и забилось часто-часто, а потом нахлынули воспоминания: их первый поцелуй, оргазм и секс.

– Свет! Так что?

– Что?

Оказывается, они уже едут, трактор пробирается по Косогоровской грязи, а Федор ее о чем-то спрашивает.

– Я говорю, давай погуляем сегодня вечером?

Света внимательно посмотрела на парня, он улыбнулся, наверняка считая, что так он еще больше неотразим, чем когда его рот просто закрыт. И стало любопытно, куда это он позовет ее гулять?

Какие такие деревенские достопримечательности показывать, которых, во-первых, здесь практически не было, а во-вторых, даже если бы они и были, то добраться до них можно было бы только вплавь?

– Где будем гулять?

– Так на лодке покатаемся, у дядьки взял, он же в МЧС работает, они объезжают территории, что подтопило.

Это было бы даже романтично, если бы не одна деталь – Федор. Да и Света боялась, что если на лодке Федор вздумает распускать руки, то начнется потасовка, и судно может затонуть под тяжестью ситуации и веса Калинкиной.

– Нет.

– Так сразу и нет?

– Да.

– Да?

– Да – это значит нет.

– Нет? Как с вами, женщинами, трудно.

Федор загляделся на то, как при езде по ухабистой дороге скачут груди Светочки, он страсть как любил вот именно такие, чтоб упругие и большие. Но эта строптивая рыжая девица, сколько бы он не старался, так и не подпускает его к этому сокровищу. Трактор вильнул, чуть не задев чей-то забор, Света закричала, вцепившись в сумку.

– Федя! Ты совсем ненормальный? Ты на дорогу-то смотри иногда!

– Я смотрю.

– Я видела, куда ты смотришь, все, дальше я сама, здесь уже недалеко.

Света прыгнула на землю, сразу в уже подсохшую на солнце и ставшую густой грязь, пошла в сторону фермы и ее владений.

– Свет! Свет, ну ты куда? Свет!

– На работу я, не отвлекай, а то животноводу пожалуюсь.

Ну его в пень, этого Федора, пусть Варвара сама с ним возится и ходит на свидание, катается на лодочке.

Больше всего сейчас хотелось в отпуск и на море, чтоб был песок, слушать шум прибоя и чаек, а не тархтение трактора и мычание коров.

Отпуск Калинкина не брала уже два года, хотя он был ей положен, как всем. Но работа отвлекала от всех мыслей, а животные молчали, не делали больно и не предавали.

А ее предали, ой как сильно предали. Но во всем Света винила только себя. И это она не про тот случай в конце зимы. Не про секс с откровенным голубоглазым блондином после наливки и настойки.

Тут было совсем другое.

То, от чего она убежала и спряталась так далеко, зализывая, как ободранная кошка, свои раны, было слишком личным и очень болезненным.

Света запрещала себе вспоминать. Но каждый раз в моменты тоски образы прошлого всплывали, теребили едва успевшую затянуться рану, и от них нельзя было убежать.

А вот Павел, тот самый, которого она подпустила к себе, на то время, что они были вместе, не давал вспомнить о прошлом. Это было странно. Но еще после него осталась горькая обида с таким противным послевкусием, когда тебе в детстве давали микстуру, и ты морщилась, но пила и терпела.

Павел, как и тот, другой человек, не захотел быть с ней. Разве Света может его винить, что она пришлась не по вкусу? Или что он все, видимо, испробовал, и уже брать больше было нечего.

А самое обидное было то, что за нее и заступиться было некому. Света была одна, совсем одна, отец-алкаш не считается, может, его уже и в живых нет. С четырнадцати лет она была предоставлена самой себе, хорошо, что поступила в аграрный техникум, и сердобольная комендант дала ей место в общежитие.

Так что Калинкина умела постоять за себя физически, хотя особых посягательств было мало, если брать в расчет ее вес и объемы. Но вышло так, что Светочка влюбилась, и это стало ее роковой ошибкой.

Зашла на ферму, села на лавку, вытянула ноги, разглядывая свои желтые, испачканные грязью сапоги. Прикрыла глаза, чтоб не расплакаться, потому что вот совсем не время и не место было слезам.

Надо было вспомнить что-то хорошее, волшебное, прекрасное.

Но кроме секса с голубоглазым демоном-искусителем на

ум ничего не приходило. А вот о нем стоило вообще не думать – много чести! Но как раз Калинкина в те дни теряла не только свой разум, но практически и честь, получая взамен то, чего не испытывала никогда.

Глава 5

Февраль

– Да... да, сладкая... как же хорошо... дьявол... м-м-м-м...

Соколов стонал как девчонка, чувствуя, как эта сладкая ягодная малышка, обхватив ствол руками, медленно, сводя с ума, облизывала головку члена. А с каждым следующим движением брала его все глубже.

По спине мужчины ручьем бежал пот, Павел посмотрел вниз, туда, где творилось это фантастическое действо, ведущее к помешательству. Вот Светочка взяла глубоко, он почувствовал, как головку сжало, отстранилась, вынимая член, вновь начала брать.

Это было на грани гребаной магии.

При этом ее полная упругая грудь покачивалась, Паше хотелось ускорить темп, потому что, если так медленно будет все и дальше, его яйца лопнут, а в голове вместе с ними лопнет сосуд.

Мужчина начал двигать бедрами навстречу, каждая мышца в теле напряглась, было такое ощущение, что это его первый минет в жизни. Все так ярко и остро, что хотелось выть диким, голодным волком, запрокинув голову.

Но Павел лишь сглотнул слюну, дернул кадыком, сцепил до скрежета зубы. Неужели он правда такой голодный и оза-

боченный? Да такого не было никогда, со всеми женщинами все было стандартно, секс без взрыва эмоций и обязательств, слил сперму и пошел дальше.

Но что изменилась сегодня?

Свежий деревенский воздух ударил в голову вместе с градами настоек и наливок его начальника? Или эта ягодно-сочная девушка с аппетитными формами во всем виновата?

– Да... господи... да, малышка...

Соколов представил, как сейчас будет кончать в ее ротик, как его сперма будет на пухлых губах, шее, груди. Вообще, у мужиков странные насчет этого бзики, вроде у него не было до этой минуты таких, но он хочет пометить эту девушку, показать, что она – его.

Ну, это чистый бред эротического дурмана, ни как иначе.

А вот Светочка сама теряла контроль. Как так – вставать на колени перед первым встречным, ублажать его орально – она на самом деле дура или что-то упустила за два часа их знакомства?

Стыдно было признаться, но она возбуждалась.

Когда вот так мужчина открыто реагирует на ее ласки, что-то говорит, стонет, это заводит реально. Она чувствовала, как белье намокает еще больше, как сжались соски, и потянуло сладкой болью низ живота.

– Ох... вот же... твою мать, детка, не могу больше...

Калинкина уловила момент, когда головка члена разбухла

еще больше, так что с трудом помещалась во рту. Мужчина начал двигать бедрами навстречу, Света сжала ствол, помогая себе.

А когда теплая вязкая сперма ударила в горло, чуть не подавилась, выпустила член, а Павел продолжал изливаться на ее губы, шею, грудь – именно так, как представлял. Ноги подкашивались, из груди вырывался хрип, оргазм пронзил тело, и это было подобно сладкой смерти.

Молодые люди оба часто дышали, Света не могла подняться с колен, ноги отекали. Но Павел опустил сам, стирая с губ девушки свою сперму, она, кажется, находилась в шоке.

– Все хорошо?

– Я...

– Ничего не говори.

Светлану вновь начало потряхивать, Павел принялся ее целовать – так открыто, страстно, жадно, не брезгуя после того, что она делала. Тот, другой мужчина, после отношений с которым девушка спряталась в деревне, никогда после такого не целовал ее, даже просил пойти помыть рот.

Да, в свои двадцать пять Светочка была не девственницей, она была в отношениях – целых шесть месяцев. Был лишь один мужчина, как ей тогда казалось, первый и единственный.

Но ей это казалось.

Думать о прошлом дальше не дали, Павел целовал, трогал грудь, нежно оттягивая за соски.

– Надо... надо встать, Паш...

– Да, конечно.

– Нужно в баню.

– Пойдем вместе.

– Вместе?

Света замерла, удивленно посмотрела на мужчину, даже в полумраке прихожей она видела, как блестят его голубые глаза, как он улыбается. Что, она вот так пойдет с ним в баню и покажет себя как есть? Голой?

– Мы можем позвать еще кого.

– Еще?

– Шутка, ты чего так испугалась?

Павел поднялся, помог это сделать девушке, уже хотелось снять все с себя, а лучше выбежать голышом на улицу и бегать там под полной луной.

Помешательство. Но ему это безумно нравилось. Он раньше и не понимал, почему Терехов здесь живет, зачем все это ему, да еще так долго? А оказывается, в Косогорах все такое особенное: воздух, вода и женщины. Ведь Семен Николаевич именно здесь встретил свою Серафиму, и она тоже, как и Светочка, та еще знойная пышка.

– Нет, я сама, я одна.

– Как одна? А я?

Соколов наслаждался тем, что видел. Взволнованный Светочкин взгляд, ее приоткрытый ротик, его сперма на шее и груди, даже то, что она сейчас пыталась прикрыться, было

красиво.

– Да, пойдем, раздевайся покажи, где тут все у тебя.

Павел наконец разулся, избавился от валенок, в которых, кажется, он расплавился, начал снимать джинсы вместе с бельем, а Светочка вновь впала в ступор.

Мужчина был слишком идеальным, как после фотошопа. Высокий, широкоплечий, подкачанный. На груди совсем немного растительности, косые мышцы, кубики, дорожка волос на паху. Справа на ребрах татуировки, но Света не могла разглядеть, что там было. Вот если бы она точно не знала, что он реальный, то решила бы, что сейчас это ее галлюцинации. В тулупе он как-то выглядел проще.

И как сейчас она, такая все НЕИДЕАЛЬНАЯ, разденется и покажет все свои недостатки? Нет, она не сможет.

– Мне самому найти баню?

– Да, там, во дворе, – Света указала в ту сторону, где у нее баня, но Павел схватил ее за руку и потащил к дверям.

– Что ты делаешь?

– Боюсь заблудиться.

Света пыталась прикрыть грудь, но вот кожу обдало холодом, они вышли на крыльцо, Павел посмотрел вопросительно.

– Ты решила меня заморозить? Учти, заболею, придется долго лечить. Пошли быстрее, продолжим, что начали.

Все это было сказано в шутку, но если без них, то голому было не очень комфортно на морозе. Невысокое строе-

ние с идущей из трубы тонкой струйкой дыма он увидел сам; быстро, таща за собой Свету, побежал в ту сторону. Это все очень бодрило, да так, что адреналин вновь закипел в крови.

Заскочив в маленькое помещение, Павел огляделся, не выпуская руку девушки, пахло вениками, травами и снова ягодами.

– Давай раздевайся, греться пойдем.

– Да, хорошо, ты иди, я сейчас, нужно дров подкинуть, баня остыла уже почти, – Света немного вышла из ступора.

Да и правда, чего это она застеснялась и засмущалась городского красавчика? Нет, такого не будет, если он хочет ее увидеть голой, а потом сбежать, это его проблемы, уж точно не Калинкиной. Она такая, какая есть, и всегда была такой, пора уже быть взрослой и принимать себя.

Соколов посмотрел на девушку, чувствуя перемену ее настроения, она была чем-то расстроена. Она его смущается? После того, что было? Странная какая. А еще настолько притягательная и сексуальная, что не хотелось от нее отходить.

Ну, ничего, сейчас он все это исправит. Чувствуя, как начинает снова возбуждаться, Павел сам подкинул дров в топку печи, пошел осматриваться дальше.

Банька, конечно, была небольшая, не такая, как у Терехова, но было все мило, уютно. Железные тазы, деревянный ковш, а еще по углам висели пучки каких-то травок. Было не так жарко, Павел зашел в парную, а вот там было безумно хорошо. Запарил веник, сел на верхнюю полку, потом лег,

пришлось согнуть ноги, потому что он не помещался.

Возбуждение не отпускало, адреналин, кипящий в крови, будоражил сознание. Он так и представлял, как будет парить, а потом жарить Светочку, как она будет громко стонать и кричать, насаживаясь на его член.

Как ее красивая упругая грудь будет колыхаться при каждом толчке, а еще ему хотелось посмотреть, какая она там, в самом сокровенном и откровенном месте.

А вот Светочка, сняв с себя остатки одежды, умылась из стоящего у дверей запасного бака холодной водой. Это немного привело в чувства. Обернулась в простынь и пошла навстречу тому, что будет. Хватит уже убегать и прятаться, если кому-то что-то в ней не понравится, то она с удовольствием укажет на дверь.

Глава 6

Открыв дверь в парную, Светлана остановилась, вот совсем недавно она была полна решимости, будь что будет. Давала себе правильную установку, но как только снова увидела лежащего обнаженного мужчину в собственной парной, чуть не включила заднюю передачу.

Он был идеальный.

Ничего лишнего.

Абсолютно.

Вот даже придраться не к чему.

Идеальный и совершенный.

Павлу пришлось согнуть ноги в коленях, одну он спустил на пол, при этом его член был практически готов к бою. Светлана сглотнула слюну, затянула на груди потуже простыню. Она очень живо помнит, как брала этот немаленький агрегат в рот, как глотала часть спермы, как при этом ее трясло от возбуждения.

И сейчас это началось снова.

Неужели она действительно такая голодная до секса? Разве такое было раньше? Нет, когда мужчина обидел тебя, унизил, предал, это отбивает любое желание общаться с противоположным полом дальше. А уж тем более подпускать кого-либо к себе так близко.

Было еще не так жарко, но Света чувствовала, как пот тон-

кой струйкой стекает по спине, как пересохло во рту. Нет, надо уходить, не сможет она.

Как бы ни старалась девушка принять себя такой, какая есть, то, что говорили раньше, да и говорят сейчас окружающие – пусть даже не говорят, но точно думают по поводу ее внешности и лишнего веса, – никак не придает уверенности.

Из детских обид рождаются порой глобальные комплексы. И избавиться от них очень трудно.

– Стоять!

Ой, зря Света так долго стояла и думала. Теперь уже не вырваться.

Павлу стоило лишь протянуть руку, схватить за белую тряпку, которой себя обмотала Ягодка, дернуть, практически не прилагая никакой силы – и все, вот она, совсем голенькая перед ним.

У Соколова даже в глазах потемнело.

В тусклом освещении парной кожа девушки блестела, капельки влаги скользили между грудей, соски набухли. Ягодка стыдливо прикрывала руками живот и смотрела глазами испуганной лани.

Она что-то хотела сказать, но не успела, все произошло молниеносно быстро. И вот Света уже сидит на мужчине, а он мнет ее грудь, вбирая в рот сосок, покусывая его, отчего по телу бегут миллионы сумасшедших мурашек, а сознание плывет.

– Вот же... какая же ты мокренькая... какая мокрая у тебя

киска.

А вот это был запрещенный прием, Света не могла и подумать, что именно там ее слабое место. Но от того, как Павел ее вновь ласкал, задевал клитор, скользил по промежности, ей хотелось плакать от удовольствия. Света повела бедрами, действуя на инстинктах, сама нашла губы Павла, сама начала ласкать его губы языком. Запуская пальчики в волосы, и оттягивая их.

Все, тормоза сорвало окончательно.

И нет у нее никакой задней передачи, чтоб сдать и убежать.

Поздно.

Тело откликалось на эти волшебные ласки, из груди вырывался стон. А когда мужчина начал массировать ее анус, что было вообще дико и очень, очень откровенно, Света закричала, а от кончиков пальцев ног до макушки прошел разряд тока.

– Да, Ягодка... сучка, какая же узкая, – Павел проник в истекающее влагой влагалище пальцами, там действительно было узко и горячо.

Соколов уже заметил, какая эта ягодная девочка отзывчивая, как открыто и откровенно реагирует на его ласки. Его возбуждало даже то, что она была совсем небритая там, между ног. Он чувствовал мягкий пушок, и от этого рвало на части еще больше.

Он потом ее обязательно сам побреет, а потом вылизет,

трахая языком все дырочки, чтоб Ягодка текла сладким сиропом ему на язык. А сейчас член стоял, готовый к бою, Павел надеялся, что все быстро не закончится, и что он не кончит через три минуты, как во время минета.

– Иди ко мне, да, приподнимись, опускайся.

Света отстранилась, оторвалась от губ Павла, посмотрела вниз, взяв в руку член, провела по нему несколько раз, размазывая по головке выступившую влагу. Голова кружилась, в висках отдавалось биение сердца, она медленно опустилась на член, насаживая себя до основания.

Они, кажется, громко и одновременно простонали, Павел начал целовать шею, Света – двигаться, кружить бедрами, привыкая к размеру.

– Ты точно не девственница? – хриплый голос Павла, укус мочки уха.

– Нет, точно нет.

– Такая узкая, двигайся, Ягодка... двигайся.

Ладони на влажной коже, Света впилась ногтями в плечи Павла, двигаясь, как он просил. Член растягивал, задевая как-то точки, вызывая дрожь и эйфорию. Такого не было раньше, Света бы запомнила.

Соколов скрипел зубами, сдерживал себя, чтоб не стонать в голос, как девчонка, ему хотелось больше, глубже, сильнее. Вколачиваться до алых кругов перед глазами эту узкую плоть, но сейчас он ловил свой кайф, чувствуя, как девушка течет на его члене, как орошает своим соком его яйца, и это

было охуеть как круто.

Он не помнит, когда последний раз ловил такой кайф. Когда вот так сдерживал себя, наслаждаясь моментом и партнершей. Когда вообще хотел, чтобы женщине с ним было хорошо.

Да не было такого никогда.

У Соколова было много женщин – красивых, стройных, молодых и не очень, но обязательно с фигурой, которых было приятно раздевать, смотреть. Но все они были какие-то пластмассовые, не настоящие, что ли.

Что изменилось сейчас?

Точно, это все деревня, свежий воздух и алкоголь Терехова явно с какой-то приворожкой. Да пофиг, все мысли потом, сейчас было желание.

– Остановись... подожди.

– Что?

– Иди ко мне, да, вот так.

Павел аккуратно снял девушку со своего члена, Света встала, качнулась, но он не дал ей упасть. Становилось жарко, Павел открыл дверь парной, потому что еще немного, и вместе с оргазмом он получит тепловой удар и остановку сердца.

Девушку развернули спиной, она встала коленями на нижнюю лавку, практически легла грудью на верхнюю. Вцепилась в деревянные доски руками, когда Павел провел по промежности головкой, вошел одним движением очень глубоко.

А дальше было настоящее, откровенное, ничем не прикрытое порно. Член входил, как поршень, Соколов вколачивался в нежную плоть, выбивая из Ягодки крики, хрипы и стоны. Шлепал по ягодицам, оставляя на светлой коже алые пятна.

Он был готов не останавливаться никогда, не вынимать ставший еще больше член из влагалища.

– Паша... Паша... не могу больше... а-а-а-а-а...

Все эти шлепки, глубокое проникновение, все подвело Светочку к той точке невозврата, где оргазм был уже неизбежен. Она не знала, сколько прошло времени, не чувствовала, как больно коленям на деревянной лавке.

Ей даже не пришлось стимулировать себя для этого, ласкать клитор. Она начала кончать на члене мужчины лишь от проникновения, сокращаясь мышцами влагалища. Оргазм обрушился, раздавил, заставил умереть от удовольствия.

Светочка кричала, дрожала, Соколов, вцепившись в ее широкие бедра, начал вколачиваться быстрее и глубже. Потом замер, тело пронзило сладкой болью, отдало куда-то в пах, яйца поджались, стали каменными. Мужчина кончал, а сперма толчками вырывалась наружу.

Они оба даже не подумали о том, что нужно предохраняться, что от незапланированной беременности и венерических заболеваний не застрахован никто. Но это все можно было добавить в длинный список странных событий от свежего воздуха и настойки Терехова.

Павел медленно вышел из девушки, Света все еще содрогалась, плечи вздрагивали. Из нее начала вытекать сперма – по бедрам, теплая, густая. Соколов специально собрал ее и начал втирать в промежность.

– Нет, нет, не трогай, не надо, – девушка дернулась, все было слишком чувствительно, отстранилась, села на лавку, а потом легла спиной.

Неплохо так она сходила в гости к бабе Зое посмотреть, что там с гусем.

Гусь оказался очень даже ничего.

Шикарный гусь.

Лучший в ее жизни.

– Ты как?

Света открыла глаза, Павел возвышался над ней во всем своем великолепии. Широкие накачанные плечи, кубики пресса, еще не опавший половой орган.

– Хорошо, – ответила робко, несколько раз моргнула, прикрыла ладонью лобок, вспомнив, какая она там.

– Значит, сейчас будем париться.

Соколов закрыл дверь парной, взял ковшик, плеснул из таза с веником воды на каменку. Помещение сразу наполнил горячий пар, оседая на коже влагой.

– Нет.

– Да.

– Я не парюсь, я не люблю.

– А придется.

– И почему ты все за меня решаешь?

– Потому что я мужчина.

Глава 7

Май

Рабочий день близился к концу.

Света посмотрела на телефон, со стороны дороги послышалось тарахтение трактора, девушка напряглась, но он проехал мимо. Совсем не хотелось никого видеть, тем более Федора с его призывами погулять и покататься на лодочке.

Пусть Вера сама его себе сватает и играет свадьбу, не нужны Калинкиной женихи, ей и так хорошо.

Как там в одном фильме говорится: «Хочу – халву ем, хочу – пряники». Но ни того ни другого не хотелось тоже. Кроме душевных расстройств, ей еще не хватало лишних килокалорий и килограммов на заднице.

Девушка отложила бумаги, пришлось делать внеплановую ревизию медикаментов. Сразу после возвращения от Розочки и Парамоновых приходил тот самый животновод, который был безнадежно женат, и которым так восхищалась Вера. Марк Анатольевич дал указания и так же стремительно убежал.

Пришлось в пятницу начинать делать то, что можно было закончить только к субботнему вечеру. А Калинкина планировала стирку, испечь сырников, потому что просто творог уже не лез в горло, устроиться на веранде и слушать трели местных птиц. В тишине и спокойствии.

Вообще, Светлане нравилась деревенская жизнь, и если кто скажет, что она скучна и однообразна, то это далеко не так. Хотя сама девушка никогда не жила в деревне и имела об этом лишь общее представление.

Все местные друг друга хорошо знают, кто чем живет, кто сколько пьет и зарабатывает, у кого какие секреты и скелеты в шкафу. Но помимо местных, есть еще городские, их называют «дачниками», скоро как раз настанет их сезон, когда спадет вода и высохнут дороги.

Деревня Косогоры недалеко от города, земля здесь не из дешевых. Покупают у стариков дома, зимой живут в городе, а летом – на природе и свежем воздухе. Но у местных своя жизнь, свой уклад, своя атмосфера, страсти, интриги и любовь – похлеще, чем в турецких сериалах.

Взять хотя бы ее февральское эротическое приключение. Это же как нужно было торкнуться разумом, чтоб разрешить совсем постороннему мужчине, городскому красавчику так забраться в сердце, что Светочка все никак не может его оттуда вытащить, хоть клещами выковыривай. Мало того, что там и так рана, так еще он, паразит такой красивый и сексуальный, снится по ночам.

– Бесит! – Света кинула ручку, посмотрела на гору баночек, таблеток и мешочков на столе, а ведь все это нужно было теперь сложить обратно.

– Кто кого бесит? Калинкина, привет, чего кислая?

– А что, бухгалтерия уже закончила работу?

– Начальство свалило пораньше, ну и я.

– Счастливая.

– Да не то слово.

Девушка достала из кармана широкой юбки яблоко, смачно откусила, протянула Светочке.

– Жара-то какая, сил моих нет, а это только начало мая.

Что будет дальше?

Лауре Анисимовой было двадцать три года, старшая дочь идеального, с точки зрения Веры, животновода, работала на ферме бухгалтером. Девушки подружились практически сразу, с первого дня знакомства, сошлись на теме лишнего веса и методов похудения.

– Пятница, короткий день, Марк Анатольевич изволили отчалить в город. Так кто там тебя бесит?

– Все бесит.

– Предлагаю выпить.

– Совсем с ума сошла?

– А чего такого? Подруга и пара бутылок полусладкого – лучшее средство от депрессии. А лучше полусухого, там вроде калорий меньше и сахара.

Светочка посмотрела на Лауру, та энергично жевала яблоко, на щеках играли ямочки, темно-русые волосы были заплетены в толстую косу. Оранжевая широкая юбка, зеленая кофточка и красные резиновые сапоги довершили образ прекрасной Лауры.

Марк Анатольевич Анисимов был страстным любителем

давать своим детям красивые и не совсем удобные имена. Лауре еще повезло, в отличие от ее двух сестер – Калерии и Глории – и брата Саввы. Лаура была остра на язычок, бойкая и деловая, девушка отучилась в городе на бухгалтера и вернулась в Косогоры на ферму.

– Так что?

– Ничего, домой хочу.

– Да чего ты кислая такая? Выходной, солнышко жарит. Во, а давай шашлыки? И ну ее в пень, эту диету, я на гречку смотреть не могу и яблоки с кефиром. А ты где была в обед? Я зашла, а тебя не было.

Куча вопросов посыпались на Светочку.

– Козу спасала. Розочка у Парамоновых обожралась какой-то дряни, тошнило ее.

– Да ты что? Ужас какой! – Лаура выкинула огрызок яблока в урну, подошла к маленькому, висящему на стене зеркалу, расплела косу, длинные волосы красивыми волнами струились по спине. А потом она собрала их в высокий пучок, который ей шел больше.

Лаура была из тех девушек, про которых говорят «кровь с молоком»: невысокая, но наряду с немаленькой грудью и широкими бедрами имела талию. Хотя в отличие от другого выражения, коня на скаку Лаура точно останавливать не будет и в горящую избу не пойдет, она как раз считала себя прежде всего девушкой. И не важно какой у нее размер одежды.

– Ты что, снова про него вспомнила? Светик, ну, чего началось-то? Два года уже прошло. Пора плюнуть, забыть, послать далеко и жить дальше.

– Да я не об этом.

– А о чем?

Лаура знала причину переезда Калинкиной в деревню, всю Светочкину, пропитанную слезами и горечью, историю. О предательстве любимого человека, обо всех событиях, что случились после этого. А вот о февральском эротическом приключении она не сказала подруге ни слова.

Света не знала почему. Может, потому что это было настолько лично и интимно или, может было, стыдно, что она повела себя не лучшим образом и отдалась в первые часы знакомства.

– О, мать, да я чую секретики, а ну рассказывай.

Лаура устроилась на стуле рядом, все пыталась заглянуть в глаза Светлане, но та отводила взгляд. Девушка сама не могла понять, почему так ее встревожила весть Веры о том, что приехал Терехов с женой? Ну, приехал, ну, молодец, у них скоро ребеночек родится.

И вот при мысли о ребенке Светочку прорвало, как плотину в половодье.

Она не плакала очень давно, даже когда Павел сказал, что сбегает до Терехова за вещами, а сам не вернулся. А она ждала, вот реально ждала, но он так и не пришел. Ни через день,

ни через два, а идти искать его, спрашивать, где он, не позволила гордость.

– Да, тут полусухим, я чувствую, не обойтись. А ну, не реветь, Света! Что случилось? А то сейчас лошадиную дозу успокоительного вколю.

Калинкина икнула, замолчала, стараясь выровнять дыхание, хоть слезы так и душили.

– Терехова знаешь? Ну, Семена Николаевича, его дом у леса почти, и хаски Гром у него, красивый такой.

– Терехова все знают. Так ты с ним, что ли? Спала?

– Нет, совсем ненормальная? У него жена беременная.

– Ой, знаем мы...

– Лаура, не говори чушь, – Света вытирала слезы со щек, а они все катились, в груди жгло огнем. – Ничего у меня с ним не было. Там другое, точнее, другой.

– Кто? «Дачник» какой?

– Нет.

– Да не тяни ты, у меня уже изжога началась.

– Помощник его по бизнесу, Павел.

Лаура моргнула несколько раз, припоминая, как так она успела оставить подружку без присмотра, и та успела завести роман?

– И что с Павлом?

– Было все хорошо.

– А реवेशь чего?

– Не знаю, нервы, наверное.

– А когда это было? В конце февраля?

– Да, в последний день зимы.

– И у вас вот прям все было?

– Да, Лаур, все и даже немного больше.

Девушка откинулась на спинку стула, старая мебель жалобно заскрипела под ее весом, но устояла. Посмотрела на календарь с милым котятами, висевший за спиной Светланы.

– Так, получается, уже два месяца?

– Чего два месяца? – теперь очередь моргать пришла Калинкиной.

– Твоей беременности.

– Какой беременности?

– Ну, ветеринар здесь не я, всех тонкостей не знаю, но даже мне понятно какой.

– Нет.

– Точно нет?

– Не знаю.

– Так «не знаю» или «нет»?

Калинкина не знала. Эта новость, услышанная от подруги, ошеломила. Она даже не думала об этом – после того, что с ней произошло два года назад, речи о беременности не было. Ей так и дали понять доктора, что шанс если и будет, то невеликий.

– Не знаю.

– А тест делала?

Калинкина была в шоке. Информация не укладывалась в

голове, потому что такого быть просто не могло.

– Конечно, нет.

– Господи, да чего же ты непутевая такая? Собирайся, пойдём, я знаю человека, что лучше всех тестов и УЗИ нам все расскажет.

– И кто это?

– Баба Зоя.

Светочка не была готова видаться с бабой Зоей, эта хитрая маленькая старушка свела ее с Павлом, это она во всем виновата. К тому же там соседи Тереховы приехал, а они все навевают воспоминания, от которых Светочка и так не может отделаться.

Глава 8

Май

– Поматросил и бросил, говорите? Ну, хорошо.

Мужчина потер руки, хитро улыбнулся, подмигнул жене. Серафима погладила выпирающий живот, малыш толкнулся, он всегда реагировал на своего отца, чувствовал, что тот что-то замышляет.

– Сем, а правда, что с Павликом? Что было, я так и не поняла?

– Сейчас, секунду, следи за рукой.

Терехов достал телефон, прокашлялся, Сима снова улыбнулась, ну, сейчас будет представление. А вот за Светочку обидно было до слез, если бы не Семен, она бы сама позволила, нашла бы Павлика на работе и высказала бы все, что о нем думает.

Каков наглец, с февраля не появлялся здесь, а Серафима помнит, как тот смотрел на девушку, как пускал слюни на ее прелести, а потом побежал провожать и вернулся через два дня. Они с Семеном уже думали идти проверять, что там с ним, а там, видимо, все было очень хорошо.

Она, конечно, не знала все детали их такого скоротечного романа, да и не стоит. Сима верила в страсть, которая накрывает с головой, и от которой некуда спрятаться, нужно только ее принять.

А потом она помнила, как волновалась, когда так же быстро уехал в январе Семен. Как передумала миллионы мыслей, как не находила себе места, любила и ненавидела одновременно. И то, что милая рыжеволосая Светочка все эти два месяца переживала так же, она догадывалась.

– Соколов, слышишь меня?

– Да, Семен Николаевич, с праздниками вас.

– Это с какими?

– Так майские.

– Не до праздников мне, садись за руль и дуй в Косогоры.

– Зачем?

– Затем, что я твой начальник, и ты мне нужен здесь.

– Выходные же.

– Мне повторить три раза, чтоб до тебя дошло?

– Нет, но... это дискриминация.

– Согласен. Выезжай. Жду. Буду тебя дискриминировать по полной программе.

– Сем, а как он проедет, там дорогу, говорят, затопило?

– Это его проблемы, хоть на ковре-самолете. Нужно спасать парня, и если надо будет, натыкаем его лицом в счастье.

– И как ты это будешь делать?

Сима любила своего мужа и его гениальные спонтанные идеи. А еще уверенность и даже наглость в действиях и словах, не будь у него всего этого да плюс ума, не было бы успешного бизнеса.

– Нам нужны гуси.

– О, это к тете Зое.

– Нет, лучше индюки.

– Что ты задумал?

– Я же говорю, будет тыкать мордой в счастье Павлика, пусть хлебнет его по полной, а то ему уже четвертый десяток, и все непристроенный.

– Ты думаешь, Светочка его так легко простит за то, что не появлялся?

– Ты же простила меня, – мужчина хитро улыбнулся, подошел, прижимая к себе жену, целуя в губы.

– Да ты же наглый и прешь как танк.

– Это да. Поехали на море, пока наследник не родился.

– Какое море? А деревня, ты же хотел что-то здесь сделать, проверить, отдохнуть?

– Павлик приедет, вот он все и сделает. А мы на море косточки погреем и животик.

– Ты же знаешь, я ни в чем не могу тебе отказать. Море так море.

– Да чтоб тебя...

Соколов откинул телефон, устало потер лицо, последние месяцы выдались просто адские. А все началось именно с поездки в Косогоры, в ту волшебную деревню со сказочными напитками и невероятной девушкой.

Ягодная Светочка ему снилась почти каждую ночь и он помнил вкус ее сладости на губах, но Павла омрачали совсем

другие события в жизни. О них не хотелось даже думать, но приходилось. Потому что он накосячил, ой как накосячил и теперь придется за это расплачиваться.

Время уже конец дня, до деревни по трассе не так долго, если нет пробок. А то все же, как обычно, рванули, как дикие, на природу из душного города. Погода сошла с ума, солнце палило, птички чирикали, хотелось большой и чистой любви, но все шло в его жизни наперекосяк.

Вместо того чтоб срываться с места и спешить к Семену Николаевичу, которого он уважал, ценил и был всегда готов прийти на помощь, Павел откинулся на диван и прикрыл глаза.

Память моментально взорвалась яркими картинками, как вспышками фотокамер. Мягкие волосы с отливом меди под ладонями, вздернутый носик, россыпь веснушек, улыбка, пышная упругая грудь.

Их первый настоящий секс с милой Светочкой случился в тесной парной бани, когда Ягодка оседлала его, приняла член. Потом он поставил ее на колени и входил уже яростно, по самые яйца, кончая в нежную плоть.

Соколов поерзал, начиная возбуждаться, каждое утро мучил стояк, Ягодка приходила во сне, будоража сознание, а мужчина потом наявливал свой стояк в душе, кончая с хриплым стоном.

Его точно кто-то сглазил, вот сто процентов.

Так не могло вести от девушки, не было у Соколова такого

никогда, а время не помогало. И вот сейчас Терехов просит его вернуться на место преступления, чтоб он совсем тронулся умом, когда и так проблем хватает.

После жаркой парной, где Павел уже не жарил, а парил Светочку, была полная желтая луна над головой, морозный воздух и адреналин, вновь начинающий будоражить кровь.

– Куда собралась?

– Жарко, не могу. Только не сугроб, нет, Паш, только не это.

– Ладно, не буду. Иди ко мне, – Соколов обнял девушку, прижал к себе. – Красиво, правда?

– Да. Завтра весна.

– А здесь и не верится.

– В городе все иначе.

Она была права, в городе действительно все иначе, даже люди другие, суета, стресс. Странно все было в ту минуту, он знал ее всего несколько часов, между ними уже случился секс, а Павел хотел еще. Было какое-то дикое, необузданное желание обладать этой ягодной девочкой с шикарными формами, что сводило скулы.

– Пойдем.

– Опять?

– Хочу кое-что сделать.

– Что?

– Я говорю, пойдем.

Соколов хотел ее побрить там, в самом сокровенном ме-

сте, сделать ее гладкой, рассмотреть внимательно, а потом попробовать на вкус. Вот даже это было для него странным – так себя вести, желать сделать то, чего никогда не делал.

Светочка сопротивляюсь недолго, прикрывалась, визжала, пряталась, но в маленькой бане это было сделать трудно, Павел все равно поймал, долго целовал, а потом как-то само собой все вышло.

– Я сама, я все могу сама.

– Самой надо было раньше.

– Но я не знала, что так будет.

– Вот и правильно, хорошо, что не знала, значит, это сделаю я.

Широко раздвинутые бедра, девушка от стыда закрывала лицо руками, но лежала на лавке, тихо стонала, когда он начал размазывать по промежности и половым губам гель. Странно, но на полке лежала мужская бритва, известный бренд, но Соколов не стал уточнять, откуда она, член уже стоял, во рту скопилась слюна.

Павел никогда этого не делал, как и не занимался сексом с девушками носящими размер больше чем сорок четвертый. Плавные движения, Света часто дышала, бритва легко скользит. Через минуту все становилось нежным и гладким, без единого волоска.

У девушки была красивая киска с ровными половыми губами. Соколов, набрав в ковш воды, смыл пену, не удержался и вновь проник в нее пальцами, нежно сношая и массируя

клитор.

Ему нравилось смотреть, как Ягодку накрывает удовольствие, как она дрожит, как подается вперед еще больше, разводя колени, как хочет его – так же, как он. Несколько движений – резких, глубоких – и вот она уже кричит, давая больше влаги.

Павел увеличивает трение, наблюдая, как девушка начала кончать, сквиртовать на его пальцах. Вынул их и сразу припал губам к клитору, засосал, продлевая ее оргазм, дурея как пацан от вкуса этой сладкой Ягодки.

– Вот же дьявол.

Соколов возбудился лишь от воспоминаний, член стоял, яйца ломило. Приспустил домашние брюки, обхватил толстый ствол рукой, размазал по головке выступившую влагу. А потом начал надрачивать, сцепив до боли челюсти. Достаточно было всего пары минут, чтобы кончить в кулак, запрокинув голову с громким матом.

Ладно, Косогоры так Косогоры, он должен вытравить из своего сознания Ягодку. Сейчас не до нее, не до любви, сейчас у него другая большая проблема.

Глава 9

– Нет, Лаура, я не беременна. Это исключено. Нервная – потому что работа у меня такая, и люди вокруг с глупыми просьбами, да еще Федор и эта коза Розочка.

Светлана встала, резко отодвинула стул, пошла к шкафу переодеваться. Нужно было надеть джинсы, поменять футболку и уже идти домой. А не сидеть развесив уши, и слушать сказки о беременности и о феноменальных способностях бабы Зои в области гинекологии.

К тому же у ее к этой пожилой женщине в последнее время некая неприязнь.

– Да чего ты так занервничала? Я только предположила. Сложила два плюс два, – Лаура показала на календарь, а Светлане захотелось сорвать его со стены и выкинуть в окно.

– Ни к чему все эти твои предположения, они не нужны мне, я знаю свой организм, и там ничего подобного быть не может.

– То, что два года назад сказали доктора, это еще не истина, ты даже не проверялась больше ни у кого.

– И не собираюсь.

– Ну и дура. Сейчас запустишь, а потом плакать будешь всю жизнь. А когда встретишь нормального парня, что будет любить тебя, вообще волком выть начнешь.

Разговор раздражал, после такого чудесного, солнечного,

теплого дня на душе было черно и мерзко от слов Лауры. Она права, но Калинкина не хотела признавать это. Хватит ей и так разочарований в почти двадцать пять лет, чтоб она еще ездила за ними в город к докторам, а после вновь впадала в депрессию.

– Ты все сказала?

– Нет, – Лаура обиженно поджала губы, ведь как лучше для подруги хочет, а она только дергается.

– Мне пора домой.

Света уже переоделась, сгребла со стола лекарства, все куцей запихнула в сейф, закрыла окно, оглядела кабинет. Впереди пять выходных дней успеет еще прийти и все доделать, все равно дома тоска задушит.

– Так у нас не будет девичника?

– Нет, извини, нет настроения, давай в другой раз.

– Ну, в другой так в другой. Я тогда поеду в город завтра.

Девушки вышли на улицу, Светлана закрыла двери, осмотрела двор, вроде ничего не забыла. Солнце садилось, становилось прохладно, как всегда бывает весной, накинула ветровку, поправила волосы.

– Только не говори, что ты снова к Матвею.

– Нет, я не к нему.

– Врешь. Сама учишь меня жизни, а нагло врешь. Лаур, я ей-богу перестану с тобой дружить, то, что ты делаешь, это неправильно.

– Что неправильно? То, что я просто хочу элементарного

женского счастья?

– Он женат, Лаура! О каком счастье ты говоришь?

– Это неправда, они год уже как не живут вместе.

– Это он так тебе сказал? Вот кто из нас дура, так это ты.

Вот именно в данный момент между подругами готова была пробежать черная кошка. Света не одобряла связь Лауры с женатым, пусть и, по ее словам, не живущем в семье мужчиной. К тому же это ее предположение о беременности выбило из колеи спокойствия, в которую Светлана и так с трудом попала.

– Хорошо, поезжай куда хочешь, если что – я дома, знаешь, куда идти и плакать. Без обид, Лаур, и пока.

Светочка махнула рукой, быстро пошло по дороге, даже не обходя грязь и лужи, закинула на плечо маленький рюкзачок, подставила лицо майскому ветру.

Все будет хорошо, главное – не унывать и не впадать в воспоминания. А они легко затянут в омут мрака, утащат еще глубже, а там слезы, истерика, разбитые мечты и неродившийся ребенок.

Вот об этом точно вспоминать нельзя. Это запрещено. Это табу.

Лаура что-то кричала вслед, но Калинкина не слушала, шла домой. Дом, в который ее поселили, после того как она с одной большой сумкой приехала устраиваться в Косогоры на ферму ветеринаром, был небольшой, всего с одной просторной комнатой, где была и печка, и кухня, и гостиная, и

столовая, но еще имелась маленькая спальня. Если сказать по-современному – однокомнатная студия, но в деревенском стиле.

В этом доме раньше жила тетка животновода, Марфа Васильевна, она умерла лет пять назад, а вот дом остался, но чтоб и он не зачах, в нем нужно жить. Вот Светлану в него и поселили совершенно бесплатно, а ей и этого было за глаза. Есть работа, дом, друзья – разве это не счастье? Она училась искать его в малом.

Новое жилье Калинкиной находился в конце улицы, что была параллельной той, где жила баба Зоя и стоял дом Терехова, как раз через соседские огороды. Добраться до них можно было лишь длинным путем, по улице, сделав крюк. Но Света и о том соседстве старалась не думать.

Часто «дачники» и их гости путали повороты, перли через лес и оказывались как раз в конце улицы у дома Марфы Васильевны, спрашивали дорогу. Но в эти выходные гостей должно быть мало, почти все проезды подтоплены местной вышедшей из берегов речкой. По которой Федор хотел покатать Светлану, приглашая на романтическое свидание.

Открыв замки и зайдя в дом, Калинкина села, устало опустила руки. Часы в углу громко тикали, нужно было растопить печь – хоть и май, но ночи еще холодные.

Девушка приложила руку к животу, прислушиваясь к ощущениям и боясь в то же время что-то почувствовать. Тогда два года назад, было много сказано мерзкого, обидного

и отвратительного в ее адрес человеком, которого она любила, которому верила. Слишком некрасивой, даже уродливой вышла история ее первой любви.

Света уже потом поняла, что ее беда была в том, что она привязалась к этому человеку. Потому что никого у нее не было – отец-алкаш, которому нет и не было никогда до нее никакого дела, не считается, мама давно умерла, да и воспоминания о ней не самые радужные.

Но она поверила тогда. Двадцатидвухлетний, можно сказать, девчонкой влюбилась, летала в облаках, не подозревая, что будет горько плакать. Что потеряет все. Все, что так сильно хотела обрести.

Вот и сейчас слезы покатались по щекам горячими дорожками, Света всхлипнула, зажала рот рукой, чтобы не зарыдать в голос и не впасть в истерику.

А еще февральский роман немного расшатал привычный настрой. Помощник Терехова оказался для нее слишком хорош, а она для него деревенской простушкой, мимолетным развлечением на выходные. Городской самоуверенный красавчик, у него наверняка жена есть, и секс для него был всего лишь сексом. Мужчины к этому относятся проще.

– Нет, нет, не сейчас... пожалуйста, не сейчас.

Светлана встала, прошлась по кухне, на автомате открывая печь, чтоб затопить, но дров не оказалось.

– Вот и хорошо, сейчас принесу дров, а потом сделаю сырников, как и хотела.

Снова вышла во двор, вытирая слезы, дела отвлекали от мыслей. Еще подумала, что нужно нанять кого-нибудь нарубить дров, с осени так и лежат под навесом чурки.

Девушка поднялась уже на крыльцо и вдруг испуганно вздрогнула от автомобильного сигнала, выронив дрова из рук.

– Да блин!

– Девушка, девушка, не подскажите, как проехать на Центральную улицу?

Медленно обернулась, убрала с глаз выбившиеся из пучка рыжие кудри, посмотрела в сторону забора. За ним на дороге стоял черный, огромный, заляпанный грязью внедорожник. Из него, открыв дверь, выглядывал мужчина в кепке, натянутой на глаза, снимая солнцезащитные очки.

Он улыбался, щурясь на заходящем майском солнце.

Первое желание было развернуться и уйти в дом, пусть разбирается и ищет дорогу сам по навигатору, который здесь временами показывает черт-те что.

Светлана выпрямила спину, отряхнула грудь от опилок, облокотилась о перила крыльца.

– Света, это ты?

– Нет, вы ошиблись, а Центральная улица – прямо и направо, второй поворот.

Махнула рукой и зашла в дом.

Он не узнал ее? Реально не узнал? Даже дом, где провел двое суток?

– Козел какой. Вот пусть теперь попетляет по деревне.

Поворот был назван не тот, от него дорога шла к болотам. И если внедорожник помощника Терехова сядет там днищем, так ему и надо.

У Светочки даже настроение поднялось.

Глава 10

– Смотри сюда и запоминай. Это твои новые друзья на ближайшие две недели. Красавцы, правда? Ох, вы мои хорошие.

Соколов с недоверием посмотрел на своего начальника, тот улыбался, показывая Павлу его «новых друзей».

Друзья были так себе. Сомнительные.

– Семен Николаевич, это шутка такая?

– Шутка? Какая шутка? Когда это я так шутил?

Терехов и правда шутил мало, но даже если шутил, то это можно было понять не сразу.

– Вы меня дернули из города в праздники, в заслуженные выходные, чтобы... чтобы что? Я так и не понял?

Семен Николаевич перевел взгляд на своего помощника и заместителя одновременно, начал подбирать слова, стараясь, чтобы они были приличные. Он обещал Серафиме не давить на парня.

– Ребятки, а ну, идите ко мне, цыпа-цыпа, гули-гули, как там вас звать? Вот, Павлик, это лучшая у нас в стране порода индюков. Называется «Московский бронзовый», обещали не птицу, а кабана с вкуснейшим мясом, – Терехов показал руками, какого размера обещали кабана.

Соколов еще раз посмотрел на подошедших «ребят» и, как сказал Терехов, его «новых друзей» – страшные они бы-

ли до жути.

– А при чем здесь я?

Павел, вот прям задницей чуял, что Терехов замышляет авантюру, даже под ложечкой сосало всю дорогу, пока ехал. Ведь попал все-таки в пробку на мосту, потом проехал мимо заправки, а стрелка топливного датчика готова была зайти за красную черту.

Потом долго петлял по деревне, большая часть дорог была подтоплена, свернул не на ту улицу, уперся практически в лес, развернулся, чуть не поцарапав машину. А когда решил спросить у местного населения, где нужная улица, не сразу узнал дом и девушку.

Это была Светочка, та самая ягодно-сладкая и шикарная девушка, с которой он провел два дня в конце зимы. Наверное, лучшие два дня в его холостяцкой жизни, которые он проводил хоть когда-то с женщинами.

В ее рыжих кудрях путалось заходящее солнце, Света ответила резко, а Соколов, как дурак, еще спросил, она ли это. Вот точно кретин. Но он реально растерялся, как студент на первом экзамене, и не знал, как повести себя дальше.

Она, конечно, ушла, но сказала, куда ехать, Павел и поехал в указанном направлении и чуть не сел тяжелым внедорожником в болото. Ай да молодец Светочка, поделом ему, паршивцу, за то, что провел два дня в безудержном сексе, а потом ушел и не вернулся.

Какая женщина простит мужику отсутствие в течение

двух месяцев? Да никакая или та, которая совсем не имеет гордости. А в Светочке она была, он видел и чувствовал.

Некрасиво вышло, очень некрасиво. И оправдания никакие не помогут, сам виноват. Тогда в город его сорвала другая ошеломительная новость.

Но что бы ни происходило, все эти два месяца он вспоминал ее, все его мокрые, эротические порносновидения были с ней. У Соколова даже женщины не было, вот кому рассказать – не поверят, но не было. Ушел в работу, напросился восстанавливать сгоревший комбинат, а там дел было по горло.

И вот снова деревня Косогоры с ее свежим воздухом, воспоминаниями о близости с той девушкой, о которой не должен был, но думал все это время.

– Страшные такие.

– Страшные, но вкусные. Нам теперь нужно диетическое мясо для наследника, мне через полгода, обещали, эти чудища будут весить каждый по тринадцать килограмм. Я специально парней взял, чтоб потяжелее да пожирнее были и на девок не отвлекались.

Терехов увлеченно рассказывал о птицеводстве, Павел не наблюдал за ним такой тяги раньше. Да, начальник, было дело, ушел в отшельничество, купил дом в деревне, варил самогон, ставил настойки да в лес ходил, но чтобы вот так – это что-то новое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.